Вшивые башмачки

Жил-был чарь и чарица, у них была единственна дочь. Как-то раз стали у царевны в головы искать и вошь нашли. Положили эту вошь на овцу, вошь сделалась проти́во овцы; с овцы положили вошь на борана, вошь сделалась противо борана. Царь приказал эту вошь убить и шкуру подделать. Из этой шкуры сшили Настасьи-царевны вшивы башмачки и дали по всем государсвам знать: «Хто отгонёт, из какой кожи башмачки, за того замуж отдам». Приежжали отовсю́ль, хто скажот Козловы, хто не́рпичьи, нехто не можот отгонуть. Узнал чорт про это дело и пришол, и объявил, что у Настасьи-царевны вшивы башмачки. Надо царю слово сдержать, за чорта замуж отдать. Затым назначили и свадьбу. Чарь начел горевать, как бы от чорта скрыть дочерь. Придумал ю в козла посадить и прочь увезти. Столы поставили, за стол посадили в ейной одежды клюку. Чорт едет на свадьбу, а козелок настречу, поежжана чорта и спрашивают:

— Козелок, козелок,
Ты сенчо-венчо везёшь,
Подбородочком тресёшь,
Дома ли Настасья-царевна?

Козелок отвечат:

— Дома, дома, дома,
Три печи пекёт,
Три ширинки шьёт,
Вас, гостей, давно домой ждёт.

И друга лошадь ехала — спрашивали, и третья, и сам чорт спрашивал:

— Козелок, козелок,
Ты сенчо-венчо везешь… и пр.

Козелок всё одно отвечал:

— Дома, дома, дома… и пр.

Все проехали, козелок колько́ мог, столько́ вперёд и помчалса.

Чорт приехал к царскому двору. «Што ты, Настасья-царевна, меня не стрецяешь, не кланеися?» И в горницу зашол. Видит стоит Настасья-царевна за столом и не кланеитця; подошол ближе — всё ответу нету. Чорт ударил ей по уху, клюка пала, забренчала. Чорт говорит: «Ах, это всё омманúли меня». И стал розыскивать ю. Не мог негде натти. Чорт догодался, што в козелки она и была, поехал в погоню за козелком вслед. Царевна говорит: «Козелок, козелок, припади ко матере-сырой-земли, не едет ли чёртúшшо за намы». — «Едет, едет, едет, близко и есь». Царевна бросила гребешок и сказала: «Стань лес непроходимой, штобы не было не птицы пролёту, не зверю проходу, не цёртишшу проезду, впереди меня будь торна дорожка широкая». Чорт приехал, чорту застава. Навезли топоров да, пилья́ да; секли да, рубили да, дорогу просекали и опять погналса за Настасьей-царевной. Нагоняют царевну. Она и говорит: «Козелок, козелок, припади к матери сырой-земли, не едет ли цертúшшо за намы?» — «Еде, еде, еде и близко есь». Царевна бросила кремень. «Стань гора непроходима до́ неба, штобы не было птицы пролёту, зверю проходу, цёрту проезду». Гора и стала. Чортишшо к горы приехал, стал сечь да рубить и просек дорожку, поехал за Настасьей-царевной. Опять Настасья-царевна говорит: «Козелок, козелок, припади ухом к матере-сырой-земли»... Козелок отвечат: «Еде, еде, еде и близко есь». Царевна бросила огнивчо: «Стань огненна река, штобы не было чортишшу проезда». Сама у реки стоит. Чорт приехал к реки, проезду нету, он и говорит: «Подай мне, Настасья-царевна, полотенцо, перетени меня за реку, я тебя не возьму замуж».

Она и подала ему точиво и поттенула до середины реки, потом и опустила; чорт в реку пал и утонул. Настасья-царевна вперёд поехала в друго царство и там вышла замуж.

(Никитина Анна Семеновна)

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.